

515.5/5+

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Н. Никандров

БЕРЕГОВОЙ
ВЕТЕР

ДЕТГИЗ · 1956

Войничков

К Н И Г А   З А   К Н И Г О Й

Н. НИКАНДРОВ

БЕРЕГОВОЙ ВЕТЕР

Рисунки Е. Шипова

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР.
Москва 1956

1

Главное — дул береговой ветер. Иначе Санька, ученик третьего класса, непременно пошел бы на занятия.

Все последние дни на море была зыбь; рыба боялась, чтобы ее не убило о скалы, держалась на глубине и, конечно, проголодалась за это время так, что теперь, когда стихло, будет браться на любую наживку: и на червя, и на крабиков, и на мясо, а потом, когда сильно раздражится, и на голый крючок. Одним словом, сегодня пусть дураки идут в школу — Санька отправляется рыбу ловить!

Бродить одному с утра до вечера по безлюдному берегу моря было бы жутко; кроме того, по дороге, может случиться, нападут ученики других училищ, ры-

бу отнимут и самого изобьют — и Санька решил пригласить к себе в компанию своего одноклассника Митьку.

Было около семи часов утра, когда оба они стояли на Загородной улице, у ворот дома Митьки. Санька, коренастый крепыш двенадцати лет, с широким краснощеким лицом, с розовым облупившимся носом, с белыми, выгоревшими от солнца вихрами и с бойкими, острыми глазами. Митька, десяти лет, худенький, тоненький, на согнутых спросонок ногах, с остреньким носом, с цыгански-черным от загара лицом.

Санька, одной рукой делая энергичные жесты, а другой дергая и крутя несчастную пуговицу, пойманную на груди у товарища, выпаливал одно за другим энергичные, соблазнительные слова.

— Митя! — ласково выговаривал он, засматривая товарищу в самые глаза. — Митя! Вот, брат, сегодня погодка! Вот море! Вот море! За целое лето не помню такого моря! Так и застыло! Как масло! Так и стоит! Не шелохнется! Как в чашке! Сегодня можно во каких ершов нахватать! А бычков! А рулен! А горбылей! А ласкирей!.. Митя, идем?

Митька, только что вставший с постели, был еще заспан и вял, но слова Саньки сразу вдохнули в него жизнь. Он выпрямился, повернул узкое настороженное лицо в сторону моря и, зашевелив тонкими ноздрями, казалось, уже улавливал в утреннем воздухе соленые морские запахи.

— Черногор дует, — произнес он тоном старого моряка. — Теперь вся рыба на мелком. И дно хорошо видать: где колдобина, где трава...

Санька, взвизгнув, подпрыгнул от радости.

— А об чем же я тебе говорю! — вскричал он с торжествующей улыбкой. — Об чем же я тебе и говорю, Митя! Сейчас вся рыба на виду. Подходи и бери! Подходи и бери! Бежи же скорее, Митя, за удочками, бежи!

Но Митька не трогался с места. Серьезный, он искоса кивнул на свой дом и тихо сказал:

— Отец дома.

— А отец откудова узнает? Ты делай, как я делаю. Бери книги, будто идешь в класс, а сам оставь их у соседей, а после ловли, на обратном пути, возьмешь... Мить, не трать зря время. Идем скорее! Люди, наверно, уже сидят на деле и наловили помногу, а мы только еще собираемся. Глянь-ка, где уже солнце!

Митька, не отрываясь от своих дум, пощурился на восходящее солнце.

— И правда, что поздногато, — сказал он. — Рыба уже наелась вся. И потом как раз в этот час ребята идут в школу, встретятся с нами, потом расскажут всем, почему мы не были в классе... Соберемся лучше в другой раз, пораньше!

Санька от таких вздорных речей товарища расхохотался резким, деланным смехом:

— Не бойсь, брат, ребята не расскажут! Ребята сами ходят: кто за рыбой, кто за ежевикой, кто за кислицами, кто куда. И потом... во!

И Санька пригрозил ребятам кулаком.

Во взбудораженных мыслях Митьки все время происходила борьба. Пойти — боязно: отец убьет! Не пойти — глупо: погода редкостная, каких, может, уже не будет, и главное — дует береговой ветер! Те-

перь, при этом ветре, на море такой штиль, что дно даже на глубине видать как на ладони.

— Тебе хорошо, — сказал он. — У тебя отец хороший.

— У меня отец такой, — с гордостью проговорил Санька, — если много поймаю, не лупит. Крепко уважает юшку с ершов.

— Айда! — твердо произнес наконец Митька, побледнев от волнения, и бесповоротно махнул рукой, точно решил идти на смерть. — Идем!

У Саньки от радости перехватило в горле, и он, заverteвшись на месте, быстро заговорил:

— Митя, чтобы нас не встретили вместе, мы пойдем врозь: я вперед, а ты потом. А у Голубиной почты сойдемся: там нас мало кто знает. Айда! Бежим скорее собираться в дорогу, а то утренний клев пропустим!

Состроив плутовскую гримасу, он пригнулся и, точно нацеливаясь броситься на кого-то, растопырил руки, сорвался с места и, как велосипед, покатил в золотистую даль солнечной улицы, спеша домой за удочками.

— Ур-рраа! — орал он во всю глотку, вздымая вокруг себя быстрыми ногами облака пыли. — Ур-рраа!

Он несся точно на крыльях, подпрыгивая на пригорках, как резиновый мяч, и по пути звонко шлепал ладонью по затылкам зазевавшуюся детвору, зашвыривал

на крыши их картузы, рывкал в уши встречным старухам, разгонял кур, пугал собак и в восторге барабанил быстрыми пальцами в оконные стекла незнакомых домов.

— Чтоб ты провалился, арестантюга! — кричала вслед ему какая-то хозяйка, созывающая среди улицы разогнанных им кур: — Тип-тип-тип... Чтоб тебя холера взяла, проклятого! Тип-тип-тип...

От сознания своих проказ Саньке бежалось еще быстрее, было до дрожи жутко и до безумия весело. Впереди его ожидал еще целый день — целый день! — безгранично свободной жизни, обещающей еще и не такие радости. Как много всего на свете и как хорошо, как интересно жить!..

А улицей ниже, в своем слободском домишке, в таком же бурном настроении собирался в дорогу Митька. Дрожащими руками он укладывал в сумку рыболовные принадлежности и сильно торопился.

2

Миновав долгую постылую степь и скатившись по красному глинистому обрыву к самой воде, Митька и Санька медленно зашагали по пустынному берегу моря. Заплетающиеся ноги увязали в песке и спотыкались о камни. Усталые лица были серьезны и напряженны.

И сразу же от неподвижного моря на мальчиков пахнуло странным, глубоким покоем и тишиной. Всѣ — и далекий город и длинная дорога в степи — осталось позади, наверху, за высоким откосом, а впереди, от самых их ног, во всю даль и ширь расстилалось открытое широкое, нигде не имеющее границ море. И им ка-

залось, что они уже на самом краешке света, дальше которого ничего нет — ни земли, ни жилья, — а есть только одно это море да над ним такое же безграничное небо. Выбирая подходящее местечко для ловли, они продолжали идти уже самым берегом, вдоль края воды. Под их ногами жестко хрустел песок, изредка булькал, бросаясь с камня в воду, вспугнутый крабик.

Утомленные долгим путем, рыболовы шли молча. Они были совершенно скрыты в ворохах бурьяна, который собрали в степи и тащили на себе для будущего костра. Иногда, прыгая с одного прибрежного камня на другой и, спотыкаясь, мальчики царапали бурьяном щеки друг другу, сцеплялись этими колючими «дровами» и, с трудом распутавшись, шли дальше. Случалось, один из них падал и исчезал в какой-нибудь скалистой расщелине. Тогда, стыдясь своего спутника, он с минуту отдыхал там и потихоньку плакал от боли в зашибленных коленях. Потом поднимался, досуха вытирал слезы и догонял товарища.

Несмотря на усталость, они бодрились друг перед другом и шли, ни разу не отдыхая. Все чаще и чаще их глаза косились на неподвижную прозрачную воду. Там, на ярко освещенном морском дне, отражая солнечные лучи, сверкали золотом и серебром глянцевитые камни. Мальчикам же казалось — от голода бабует рыба, и они волновались, напрягали силы, ускоряли шаг. Хотелось сбросить наконец с себя колючую ношу, влившуюся в плечи, и скорее приступить к делу, пока рыба не успела наестся и не ушла в глубину.

Около обломков скал, которые живописными островками торчали из воды вблизи берега, они остановились.

— Вот хорошее местечко! — указал на островки восхищенными глазами Санька.

Митька горячо поддержал его.

И оба они, нагнув головы к земле, с остервенением принялись отбиваться от цепких, надоевших им колючек бурьяна.

Разгрузив свои потные спины, мальчики с наслаждением уселись на теплый, мягкий песок и начали распутывать удочки.

Спокойное утреннее море, насколько видел глаз, было зеркально-гладким. Неподвижная вода прозрачнее воздуха. Дно под водой — не отличить от суши.

— Ну и денек! — с умиленным лицом произнес Санька. — Глянь, какая вода!

Митька серьезно посмотрел на воду и, думая о рыбе, по-деловому сказал:

— Теперь, пока штиль, в самый раз брать ее.

Санька, проверяя на своей удочке остроту крючков, мечтательно улыбнулся и сказал:

— Я раз в такую погоду цельный кошель ершов поймал, штук пятьдесят, да все здоровые, отборные, прямо один к одному.

— А я раз в такую погоду сразу трех горбылей на одну удочку вытащил, фунтов по пяти каждый, — похвалился Митька.

— А я раз...

— А я раз...

И они, перебивая и почти не слушая друг друга, долго без удержу хвастались бывавшими с ними удивительными случаями.

— Ну, — поднялся наконец Санька, когда удочки были готовы, — теперь айда за рачками. На рачки рыба жаднее всего берется.

Митька встал с неохотой. Он посмотрел на чайник, на сумку с продовольствием и нерешительно спросил:

— А кто же будет огонь разводить?

Санька свирепо уставился на него.

— Уже жрать?! — проговорил он. — Жрать?! Да? Не успели прийти? Ты сперва погляди, какое дно сегодня, какие бычки ползают промежду камнями, прямо как боровы! Еле ворочаются от жиру!.. А он — чай пить!!!

Митька, проголодавшийся за дорогу, равнодушно поглядел в воду. Никаких бычков там не было, были только одни поганые несъедобные морские собаки.

— Давай так, — увлеченно жестикулируя, предложил Санька: — пока не поймем хорошую крупную рыбу, до тех пор не прикоснемся к еде!

Митька молчал. Но он знал, что ему все равно ничего более не оставалось, как только покориться:

Санька уже вошел в рыболовный азарт — был зол, груб, упрям — и говорил, как командир.

— Саня, а рыбу мы будем как? — робко осведомился Митька. — Напополам делить?

— Можно напополам...

Босые, с засученными выше локтя рукавами, они направились к воде.

— Ну, Митя, скидавай штаны и залазь в воду. А я буду каменюки ворочать.

Митька одной ногой ступил в воду; вода, остывшая за ночь, была свежая, и он выдернул ногу обратно.

— Чего скидавать штаны? — возразил он. — Рачки теперь все на сухом берегу сушатся. В воду не надо лазить.

— Вот и лови с таким товарищем напополам! — возмутился Санька. — Ему говорят: «надо», а он: «не надо!» Я лучше тебя знаю, что надо и что не надо! Глянь, как они утикают от нас на глыбы!

Под ногами мальчиков и далеко от них, среди сплошных камней, действительно уже шуршали уползающие невидимыми лазейками мелкие крабики. Эти черные квадратики на восьми ножках, с парой клешней, похожие на пауков, — лучшая наживка для донных удочек в Черном море.

— Ну, не морочь голову, скидавай скорее штаны! — говорил Санька и нетерпеливо помахивал рукой, точно подметал веничком.

— А ты?

— Я же тебе сказал, что ты их с моря будешь хватать, а я с берега. С двух боков.

Митька пожал плечами и злобно сплюнул в сторону:

Последние слова товарища ошеломили Саньку. Что Митька говорит? Он на обратном пути рыбу понесет? Нет! Рыбу понесет Санька! Как приятно идти на меренно людными лицами, в дорожном виде, утомленной походкой, с чайником, черным от копоти, в одной руке и с длинной вязкой рыбой в другой! Мальчишки, широким хвостом идущие за ними, молча завидуют им. Взрослые всеюо увивляются и одобрительно кивают им головами, спрашивая их с улыбкой, чьи они, такие молодцы, как их фамилии и на какой улице они живут. Их всеюе останаивают, возле них собираются кучки народу; со всех сторон шунают рыбу, какая икрная, какая нет; просят продать. Народ.

— Вот и понесешь на обратном пути чайник, а я чайников несть, вот что!

— Что ты хвалишься своим чайником! Я зато дыню нес! А чайник — что? Взял его за держалку и или себе бариню. А дыня, она круглая, она вертится в руках! Я заместо одной дыни согласен десять твоих тер, пока нес! — не унимался Митька.

— Смотри, какой пухыр на ладони я чайником на маешь, дома мне не достанется за это!

— Я деныги давал! — принимая надменный вид, вскричал Санька. — Ты мой шестнацать копеек за был? Я сахар давал! Я чай давал! Я все давал! Ду-

А ты? — Черт его душу знает, почему же обязательно я носил я. За помидорами аж на базар летал я. Потом хлеб, сухари, чайник с водою всю дорогу нес я... Теперь штаны скидавай и лезь в море тоже я... Все я да я!

кроме того, интересуется и спрашивает, что тот, который несет рыбу, вероятно, у них за главного, за старшего? Да, тот самый главный, старший рыбак, а другой, что тащится позади с багажом, он только еще приучается ловить, он больше собирает дрова, кипятит чай...

— Нет! Рыбу понесу я! — твердо отчеканил Санька. — Ты раков понесешь!

Он хотел сказать: «Вещи понесешь», а вырвалось: «Раков понесешь».

— Каких раков?! — завопил, как ужаленный, Митька. — Каких таких раков?! Откудова они? Ты, наверно, меня за дитенка считаешь, обдурить хочешь?.. Нет, брат, меня не обдуришь!

— Об этом кончено! — отрезал Санька.

А сам, пригнув шею, как злоумышленник, огляделся вокруг — нет ли где посторонних — и, бледный, со сжатыми кулаками, вплотную подошел к Митьке:

— Скидавай, тебе говорят, штаны!

— Тогда скидаваем оба, — глухо пробормотал Митька.

— Скидавай сейчас же штаны! — закричал Санька, встряхивая Митьку за шиворот. — Говори: скинешь? Говори: скинешь?

Митька, глядя вбок и прослезясь, отстегнул сразу на обоих бедрах желтые костяные пуговицы, и его широкие штанишки привычно упали на песок, точно складные.

— Так бы давно! — отпустил его Санька. — А я за это, что ты полезешь в воду, что-нибудь другое сделаю, что потруднее, что не под силу тебе.

— Да-а!.. «Сделаю»! — сказал Митька дергающимся голосом. — Знал бы, не ходил с таким...

Скосив лицо, он осторожно ступил в воду.

— Не бойся, — напутствовал его с берега Санька. — Смелее! Не будь бабой. Вода теплая — не зима.

— Да-а!.. «Теплая»! — ворчал Митька, выдергивая из воды то одну, то другую ногу со скрюченными пальцами.

Крабиков под поднятыми в воде камнями было множество; они — бочком-бочком — стремительно рассыпались в разные стороны. У Саньки и Митьки разбегались глаза, они не знали, которого хватать, выбирали покрупнее. Но крупные останавливались, принимали оборонительные позы, грозились широко растопыренными клешнями — и мальчики в конце концов оставались с пустыми руками. Тогда, бросив лов, оба начинали обвинять друг друга в трусости, неповоротливости, нежности и прочих пороках. На морском дне, на слизистых камнях, было скользко, и Санька, на радость Митьке, упал в воду. С него текло, и ему поневоле тоже пришлось снять вымокшие штаны. Теперь оба они стояли в одних рубашках.

Когда крабиков было заготовлено достаточно и у мальчиков от работы заныли спины, они вышли из воды, стали друг против друга и, заломив руки назад, с блаженными улыбками на лицах сладко потянулись. Потом проверили, много ли поймано крабиков по объему, попробовали на ладони на вес, затем сосчитали поштучно и, довольные, сияя, направились к своим вещам, чтобы взять удочки и начать лов.

Вверх по глинисто-красному обрыву, удаляясь от

вещей мальчиков, лезла с длинной булкой поперек рта громадная собака черного цвета с крепкими узловатыми ногами, ржавыми ребрами, дырявыми ушами и с наполовину обрубленным хвостом. Собака была старая, видимо, она прекрасно понимала, с кем имела дело, и лезла в гору не спеша, солидно, и скорее из любопытства, чем из предосторожности, поглядывала одним кровавым глазом назад, на приближающихся мальчиков. Под твердостью ее мозолистых лап рыхло осыпалась с кручи земля и, кувыркаясь, катились вниз камешки.

Митька, словно его стукнули по макушке, где стоял — там и присел, прячась за высокий камень.

— Дикая лисица! — прошептал он, крепко ухватив Саньку за голые икры, покрытые блестящими кристалликами морской соли.

Санька, распластавшись, упал животом на песок.

— Где? — спросил он воинственным шепотом.

— Вот она. В гору лезет. А здоровая, как лошадь.

— Это не лисица, — сказал Санька. — У лисицы хвост больше сажени, сто рублей стоит.

— Ты на хвост не смотри! — спорил Митька. — Она его нарочно прячет, чтобы ее не узнали. Хитрее ее зверя нет.

— Ушла! Бежим! В погоню! — вдруг вскочил на ноги и начал командовать Санька. — Сперва в обход, потом наперерез!

И оба они, с вытаращенными глазами, с увесистыми камнями в руках, в развевающихся рубахах, быстро вскарабкались по крутому обрыву вверх и бросились в степь, голубовато-седую от полыни.

Прошло около часа, прежде чем они возвратились обратно, потные, с потоками грязи на раскрасневшихся лицах, с исцарапанными в кровь икрами, насквозь пропахшие терпким ароматом горькой полыни.

— Это была она, лисица! — авторитетно сказал Санька. — Вот ее след, как раз около хлеба. Спасибо, дыню не тронула.

— Да-а, — с сожалением покачал головой Митька, — чуть-чуть лисицу на шубу не убили! Вот дома удивились бы!

— Будет что рассказать ребятам в училище, — размечтался вслух Санька. — Только ты, Митя, смотри, без меня не начинай рассказывать. Вместе расскажем.

— Еще и не поверят, дураки!.. — солидно, как взрослый, засмеялся Митька. — А скажи, Саня, по правде: ты ее испугался?

— Кого? Ее? Нет. Чего ее бояться? Лисицы — они не кусаются... А ты?

— Я тоже не испугался, — сказал Митька и, немного погодя, прибавил с сознанием своего превосходства: — Я первый ее заметил.

Санька молчал.

— Я первый ее заметил, — повторил громче Митька и безжалостно поглядел на товарища.

Санька молча скривил на лице гримасу и отвернулся в сторону.

Утомленные, с красными, осовелыми глазами, они сидели на песке, скребли ногтями икры, искусанные колючками, и не столько разговаривали, сколько бросали взгляды то на мешок с едой, то на чайник.

— Фу-у... — повторял при этом Митька. — Ну и уморились, прямо не дай бог.

— Да-а... — вздыхал за ним Санька, — не так уморились, как...

И с лицом мученика он отворачивался от битком набитой сумки с продовольствием.

И вдруг, нарушив данный зарок — не есть до первой крупной рыбы, — они оба бросились к сумке и, аппетитно крякнув, жадно принялись за еду.

3

«Дрова» были сухие, вспыхивали сердито, как порох, горели жарко, без дыма. Мальчики в ожидании, пока закипит чайник, лежали рядышком на песке и, поглядывая на огонь, болтали задранными вверх босыми ногами.

Солнце пекло, словно в июле; воздух — знойный, золотистый, насыщенный запахами моря, — дрожал и

струился, как бесцветное прозрачное пламя. Ярким перламутром поблескивало притихшее, словно оцепеневшее море.

Вода у берега была прозрачная, казалась свежей, вкусной, хотелось ее пить жадно, без меры, большими глотками. Она так и манила к себе, тянуло раздеться и броситься в нее, чистую, звонкую и веселую, и окунаться в ней много раз, брызгаться, барахтаться. И это желание оказалось сильнее голода.

— Митя, вѣра купаться? Как раз перед чаем!

— Вѣра!

И они сразу, одним движением, выскользнули из своих рубах и, обгоняя друг друга, шумно рассекая воду, вздымая впереди себя волны, ринулись в глубину моря.

— Митька-а! Плыви сюда-а!

— А не будешь топить?

— Нет!

— Врешь!

— Вот увидишь!.. Митька-а, сделай вот так, сто рублей дам!

— Санька-а, сделай вот так, сто рублей дам!

Сверкая на солнце мокрыми, кофейными от загара телами, они кувыркались и резвились в воде, пыхтя, как дельфины.

Острыми стрелами резали застоявшийся воздух их сильные голоса, и оживился пустынный берег, и не верилось, что их тут только двое. Возле них, низко, почти над самой водой, суетливо носились, тоненько посвистывая, встревоженные кулички — крошечные птички с белыми брюшками и серыми изогнутыми крылышками, похожими на два маленьких серпика.

Искупавшись, мальчишки приступили к еде. Прежде всего взяли за самое вкусное — дыню. Дыня оказалась великолепной. Она была до приторности сладкая, сочная, нежная. Стоило прикоснуться к ней губами, как она таяла и текла ручьями, и приходилось ловить на лету ее пахучие, обильные струи.

— Дыню нужно уметь выбирать! — хвалился Митька и вел в уме счет кускам, которые ухитрялся поедать Санька. — Дыни бывают ананасные, чеботарские, персидские, качанки, американки...

А Санька работал челюстями молча. И безнадежной оказалась попытка Митьки угнаться за ним. Едва поднесет Санька к губам янтарный ломоть дыни, напоминающий молодой месяц, как его уже нет: разом, одним духом, всосет его в себя, только пискнет что-то во рту. Митька попробовал было поступать так же, но на первом же укусе захлебнулся обилием дынного сока, закашлялся, засморкался, а Санька тем временем успел проглотить еще кусок. Тогда Митька оставил состязание, решив нагнать приятеля на помидорах или утаить от него часть сахара.

— У меня такой характер... — сказал он, думая хотя бы этим уменьшить пыл товарища. — У меня такой характер: чуть съем лишнюю скибку дыни, уже страдаю животом.

— Да, — буркнул Санька с набитым ртом, — у кого какой характер!

Провизия была самая простая — хлеб, овощи, фрукты, — но с каким аппетитом рыболовы поедали ее!

— Ешь, а все хочется! Ешь, а все хочется!.. — удивлялся Санька, похлопывая себя по животу.

— Потому что воздух здесь очень крепкий, — определил Митька, пересыпая солью разрезанный надвое красный как кровь помидор. — И потом промялись мы очень здорово. Если рыбы не поймаем...

— Поймаем! — с веселой уверенностью перебил его глупые слова Санька и, запрокинув голову, впустил в себя половину помидора, только хлюпнувшего в глотке.

Пока черед дошел до чая, он, оказалось, простыл. Необходимо было раздуть прогоревший костер. Санька разрыл пепел с краснеющими искорками, прижал к нему пачку сухого бурьяна, стал подле на колени, низко наклонил лицо и изо всех сил дунул в костер. Вспыхнувшее пламя хищно польхнуло ему в лицо. Санька, схватившись руками за глаза, охнул и упал навзничь, спиной на песок. Митька, отплясывая вокруг, хохотал до упаду и все заглядывал ему в лицо: у Саньки не было ни ресниц, ни бровей — сгорели в огне. Чтобы облегчить боль опаленной кожи, Санька, по совету товарища, стал у воды на четвереньки и, окуная голову по самые плечи в прозрачное прохладное море, с удовлетворением ухал.

Потом принялись за чай. По жилам ребят вместе с горячей сладкой влагой, казалось, разливалась сама благодать. Они повеселели, и благодушное настроение стало сказываться во всем.

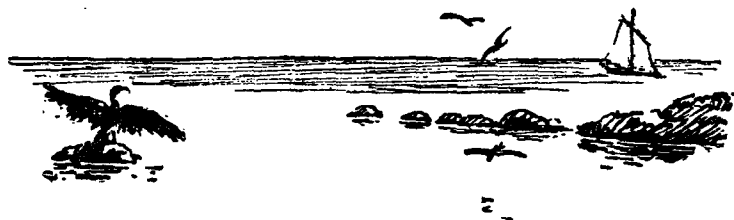
— Когда один чайник опростаем, я побегу к роднику за другим, — звучно глотая пахнувший дымком чай, проговорил Митька, подобревший от горячего.

— Чем тебе бежать, ноги бить, лучше я побегу, — отвечал Санька, хрустя мокрым кусочком сахара.

Все было съедено; мальчики были довольны, тяжелы, сонны; им не хотелось вставать; они еще долго нежились голышом на горячем мягком песке. Солнце теплыми лучами приятно щекотало их спины; с моря пахло свежестью, солью и еще какими-то, словно лекарственными, водорослями; со степи временами спускался к ним тихий, ласковый ветерок и принес с собой ароматы горькой полыни да горячей разморенной земли. Они полной грудью вдыхали в себя эти целебные запахи; глядели на густо-синий дальний край моря, над которым иногда длинной черной ленточкой низко пролетали утки; слушали изредка долетавшую к ним со степи вместе с ветром неугомонную стрекотню кузнечиков и далекое-далекое воркованье горлиц.

— Митя... — произнес Санька, раскинувшись на песке и задумчиво щурясь в морскую даль. — Я ни-

когда-никогда не помру... Когда увижу, что скоро помирать, прибежу сюда, ляжу вот так и буду лежать, пока не оживею...

— И я, — сказал Митька тем же разнеженным голосом. — Я тоже...

И обоим стало казаться, что действительно, если быть всегда у моря, то никогда-никогда не умрешь. Здесь не может быть ни болезни, ни старости, ни смерти.

Как-то особенно сильно запечатлевалось небо, и во всеобщем покое, разлитом вокруг, тишине и безлюдии забывалось решительно обо всем: и о своем доме, и о жилье вообще. Мальчики не замечали, как текло время, — казалось, оно стояло. Им не хотелось уходить. Хотелось, чтобы всегда было так хорошо, привольно и радостно. И было жаль тех, кого сейчас с ними нет: неужели они так и умрут, не изведав за всю свою жизнь этой благодати?

— А теперь наши ребята пропадают там, в классе, — вспомнил о товарищах Митька с сожалеющей улыбкой.

— Сами, дураки, виноваты! — сурово произнес Санька и умолк.

Далеко от берега, казалось на самой середине моря, легко, как комья пены, длинной грядой держались белоснежные чайки.

Ближе к берегу, на выступающем из воды коричневом камне, точно на пьедестале, застыл с красиво повернутой вбок головой и с распростертыми навстречу солнцу крыльями черный, как уголь, длинноносый баклан.

Из-за ближайшего мыса — полосы черных, уходящих друг за другом далеко в море обломков скал — вдруг выплыла, двигаясь параллельно берегу, под огромным округло-надутым парусом, ярко-красная рыбацья лодка. Она шла тяжело, плавно, под ровным креном, все время показывая берегу один свой бок и часть днища. В ней не было видно людей, и оттого она казалась зрячей, мудрой, хорошо знающей путь. Это местные рыбаки ехали с волокушным неводом на ночной промысел в Камышовую бухту. Шесть человек спали на дне лодки, седьмой — атаман — правил рулем, тоже растянувшись на кормовой банке и насунув на глаза от слепящего солнца картуз.

— Сань, — ласково сказал Митька, провожая завистливыми глазами лодку и встав на колени, — кем ты будешь, когда вырастешь?

— Я? Рыбаком... А ты, Мить?

— Понятно, тоже рыбаком. Морским рыбаком.

О, они будут рыбаками — Санька и Митька! Рыбаки свободны, и в крепких, надежных лодках все у них есть: рыболовные снасти, котел, сковорода — жарить камбалу, чайник, бочонок с пресной водой, мешок с хлебом, топор, багор, теплое платье, большие сапоги, фонарь, много смоляных веревок. Каких чудес можно

наделать в море, располагая таким богатством! Можно жить независимо ни от кого, быть самим над собой господином, а ловкостью и отвагой покорить гуляющие по морю дикие ветры, и они будут переносить их на новые и новые места, в далекие неизвестные страны...

Если их, Саньку и Митьку, выгонят из училища, они уж не вернуться домой никогда-никогда! Сразу же убегут далеко за город, на берег моря, к рыбакам, и будут у них сначала береговыми кашеварами, потом станут выходить с ними в море. Доброе море! Оно всегда, во всех несчастьях, примет и успокоит их. Как хорошо, что оно у них есть — их счастье, их прибежище! А когда они вырастут и подойдет время призыва, они пойдут непременно во флот и ни за что — в армию. Флотские — все красавцы, герои, силачи, любят свободу, никому не прощают обид и умеют стоять друг за друга...

По всей поверхности моря растерянно забегали, словно заблудившись, черные пятна ряби, и по тому, что они бегали в разных направлениях, было ясно, что меняется ветер. Море наморщилось, потемнело и резкой фиолетовой линией отделилось на горизонте от светлого неба.

— Жучки забегали, — сказал Санька, раскрыв рот и любуясь игрой ряби на поверхности моря.

Со стороны степи все чаще прилетали к берегу столбы золотой пыли. Вот по прибрежному песку махнул своим широким крылом ветер; он выхватил из прогоревшего костра несколько вспыхнувших искр, бросил их на голые ноги рыболовов, швырнул им прямо в глаза по пригоршне песку и убежал. Потом с

обрыва стремительно скатилось вниз бурое пружинисто-упругое перекаати-поле; оно подбежало к самой воде и как бы в удивлении остановилось, словно раньше не знало, что в море вода соленая. А с обрыва следом за ним все еще продолжала осыпаться с тихим шорохом красная глинистая земля.

— Будет зыбь, — произнес Митька тоном старого рыбака.

— Это хорошо, — уверенно сказал Санька. — Под зыбок рыба еще лучше берется: смелее...

— Это, положим, верно, — согласился Митька.

— Без рыбы все равно домой не пойдем! — решительно заявил Санька. — И этого бояться не надо, если поднимутся волны. Я раз под волну такого здорового налима поймал. Думал — веревка, хотел бросить, смотрю — трепыхается. А в нем оказалось почти что полпуда чистого мяса.

— А я раз...

Время шло, а они все валялись на песке и валялись, болтали и болтали. Иногда по звонким галькам к мальчишкам подбегала маленькая, голубенькая шалунья-волна и, хихикнув себе под нос, весело убегала обратно.

4

— Если много поймаем, продадим. Верно, Саня?

— А то что ж, солить ее будем, что ли? Понятно, продадим. Половину продадим, половину себе оставим. Я знаю на базаре одну женщину, торговку, которая у мальчишек берет.

— А на базаре рыба теперь дорога-ая! — восторженно пропел Митька.

— Не то что дорогая, а ее вовсе теперь там нету, — поправил его Санька. — Только наша и будет.

Они храбро поддерживали этот деловой разговор, сидя теперь уже на двух разных островках, один против другого, как водяные птицы, и крепко вцепившись пальцами ног в спины черных скал, окруженных со всех сторон водой.

Чтобы не пугать рыбу, рыболовы почти не шевелились и, осторожно натянув свои толстые шнуры с крючьями на концах, глядели в прозрачную зеленоватую воду и ожидали. На дне, под толщей воды, так же ярко светило солнце и было так же тихо и радостно, как и на берегу. Сквозь хрустальную, чистую воду было отчетливо видно, где легли их крючья. Многолетними усилиями волн дно было аккуратно выложено, как булыжная мостовая, цветными камнями, сияющими в лучах солнца своими округлыми, отполированными боками. Кое-где среди этих камней росли кустики коричневых водорослей; местами светлели гладкие площадки сплошного желтоватого песка.

Когда мальчики в первый раз закинули на эти песчаные места свои удочки, наживленные кусочками крабиков, рыба, какая и была вблизи, вся разбежалась, попряталась в траве и под камнями и, осторожно выглядывая оттуда, терпеливо выжидала, что произойдет дальше с этими неожиданно упавшими откуда-то на дно кусочками крабьего мяса. Наконец, потеряв терпение, мимо наживки прошмыгнула одна зеленушка, негодная рыбешка, пестро-радужного цвета, которая занимает в рыбьем царстве Черного моря примерно такое же место, как воробей в птичьем. Немного погодя, очевидно, все в тех же целях разведки,

косясь глазами на наживку, она прошла обратно; потом красиво, как миноносец, по прямой линии двинулась на самую наживку, остановилась, почти уткнувшись в нее носиком, и долго-долго смотрела на соблазнительное крабье мясо. Наконец, приоткрыв рот, усеянный мышинными зубками, она ущипнула край наживки и вместе с ней попятилась по такой же прямой линии назад. Шнур натянулся — синее свинцовое грузило, хитро зарыв свое лицо в песок, поползло к рыбе. Рыбка, как обожженная, отпрянула от удочки в сторону и, вся подобрившись, вдруг став жалкой, некрасивой, без оглядки побежала прочь.

— Одна зеленушка уже показалась! — задыхаясь, прошептал Митька со своего камня.

— Этой мелочи надо как можно больше собрать, — волнуясь, сказал Санька с другого островка. — Когда мелкую хорошенько растравим, тогда и крупная пойдет. Рыба будет! Не теперь, так под вечер.

— Рыба должна быть! — уверенно подтвердил Митька.

И они опять замолчали, чтобы не пугать рыбу.

— Есть! — чуть не сорвавшись с камня в воду, вдруг во все горло заорал Митька, поддев на крючок за губу зеленушку, и, подняв ее за нитку выше головы, показывал со своего камня Саньке.

Рыбешка покорно висела маленьким нежным ртом на большом грубом крючке, крошечная, насквозь зеленая, как листик акации.

— Почин есть! — с умилением глядя на нее, гордо говорил Митька.

— Зеленуха! — с пренебрежением сказал Санька и поморщился. — Их не едят. Выкинь ее.

— Главное — сделан почин! — продолжал торжествовать Митька. — Почин дороже денег!

— Брось ее, — сонливым, вялым голосом повторил Санька.

— Лучше дома кошкам отдам, — оправдывался Митька, бережно засовывая добычу дрожащей рукой к себе за пазуху.

Санька страдал. Это не он, не он сделал первый почин, не он!

Митька блаженствовал. Видя страдания несчастного товарища, он сказал:

— Мне на мелочь везет, а тебе зато на крупную повезет. Верно, Саня?

Тот неохотно пробурчал, уныло глядя куда-то вдаль:

— Я считаю, что мы еще вовсе без почина: зеленух ведь не едят.

— Так никогда не считают! На почин даже собак считают!

— Кто?.. — протянул с презрением Санька. — Кто считает?

И он замолчал, долго еще сохраняя на лице выражение горькой усмешки. Он на своем веку лавливал такую рыбу, какую Митьке не увидеть и во сне! Пудовую! А этот нечаянно поймал поганую несъедобную рыбешку с мизинец величиной и радуется. Ребенок!

Все остальные зеленушки после безуспешных поисков наживки, видно, решили, что той счастливнице, которая попалась Митьке на крючок, просто удалось унести крабье мясо куда-то далеко в сторону. И когда они увидели на вторично наживленных крючках новые куски крабиков, то уже смело, толпой, кинулись к ним, не соблюдая никакой осторожности. Скоро в их рядах показались прожорливые, разной окраски — черные, рыжие, пятнистые, отвратительные на вид, непомерно пузатые морские собаки. Виляя влево и вправо подвижными хвостами, они подплывали к наживке на крючке и стремительно вырывали ее даже изо рта зеленух. Те ярились, но никак не могли ущипнуть скользкую, как резиновую, без чешуек, кожу собак. И так все время: над светлым песчаным дном держалась наплыву в ожидании добычи туча зеленушек, а ярусом ниже, на самом дне, сидели пожиравшие большую часть наживки вертлявые, нахальные собаки, больше похожие на ящериц, чем на рыб, только с плавниками вместо ножек.

Незаметные между камнями, притаившись по самым скрытым уголкам морского дна, сидели и выглядывали одним глазком уродливо-скуластые, толстые, как обрубки каната, золотисто-дымчатые бычки. Терпение их было беспредельно. Они часами глядели из надежной засады на вкусную наживку на крючках,

на грузило, на подозрительную, уходящую вверх нитку, ждали... и не решались. И когда наконец один из них вышел из-под камня на открытое песчаное место, Санька первый заметил его, изменился в лице, но Митьке ничего не сказал. Митька минутой позже тоже увидел этого бычка и тоже решил о нем умолчать. И оба они, бледные, напряженные, путая дрожащими руками леску, забрасывали свои крючки в одно и то же место, туда, где сидел неподвижно, как мертвый, и думал свою бесконечную думу осторожный черноморский бычок. Этот не был так доверчив, как его простяга-собрат — азовский бычок, которого иногда можно руками брать.

— Ты на мое место не забрасывай! — закричал Санька. — Это моя колдобина!

— А ты море купил? — спросил Митька и, сердясь, готовый на все, действовал по-своему.

Каждый из них боялся, как бы другой раньше его не поймал бычка, и оба они, спеша закинуть, насаживали наживку неаккуратно, так, что пока бычок решался взяться, крючки были уже наголо очищены зеленухами и собаками.

— Есть! — вдруг заорал Митька диким голосом. — Быкало! Здоровый!

Санька окинул Митьку таким страдальческим взглядом, как будто ему предстояло сейчас умирать.

— Маленький, — равнодушно произнес он, хотя и не разглядел как следует бычка, какой он — большой или маленький.

Митька крепко сжимал в руке добычу.

— Пусть будет маленький, — ответил он. — Я хотя маленьких ловлю.

— Брось свою, — сказал он. — Я свою выбросил. Их не едят.

— Ничего, пусть хотя пока побудет, — ответил повеселевший Санька, укладывая рыбешку на дно своей жокейки, похожей на опрокинутое блюдечко, где уже блестели мелкие рыбы чешуйки, насохшие от прошлых лет.

Ловилось плохо, только объедало наживку.

Они поймали еще одну зеленушку да пару крохотных серебряных ласкириков — круглых, плоских рыбок, похожих на двугривенные с глазами.

Наконец показался он, их заветная мечта, непременный герой их хвастливых бывальщин, ночной хищник, большеголовый, глазастый, бровастый, весь в колючках, как еж, морской ерш.

В сущности, это была не рыба, а лишь непомерно громадный звериный рот с рыбьим хвостиком. Вспыхивая парой зеленых огней, темно-рыжий ерш опустился из коричневых зарослей на светлый песок и, где попало, не думая об опасности — сам для всех опасность, — лег. Едва он показался, рыбки, сколько их было, вздрогнули, как стальные пружинки, и разлетелись в разные стороны, и он остался на светлом, золотистом дне один, темнея нагоняющим на всех ужас зловещим комком. Рыбешки, бросив наживку и забившись в дальние углы, трепетали от страха, а собаки подкрадывались к ним сзади и нарочно пугали их, кидаясь на них по-ершиному. Скользкие, как черви, верткие, как змеи, собаки никого не боялись, даже ерша.

Ерш — ночная рыба — при дневном свете не видел наживки, к тому же она была слишком мелка, да и не

пахла совсем: вкусные пахучие соки из нее успела высосать мелюзга. И видно было, что ерш не столько гнался за наживкой, сколько стремился захлопнуть в огромную пасть живую зеленушку.

Немного полежав и разуверившись в удаче, хищник, покачиваясь и задевая за камни, медленно удалился в бурые заросли. Гроза прошла, и на дне по-прежнему стало оживленно и весело. Рыбешка в огромном количестве снова налетела на наживку, опять стала трепать и по крошечкам быстро расхватывать ее. А более смелая выплывала по нитке вверх, на поверхность воды, и нетерпеливо искала новой порции. Рыболовы не успевали наживлять крючки.

— Не хочет браться! — с отчаянием простонал Санька, едва ерш скрылся в траве.

— Кто? — поспешно спросил Митька со своего камня, весь наострясь.

Санька понял, что проговорился, но было поздно. Пока он молчал, придумывая выход, Митька сказал:

— Ерш? Да? Я заметил, что от твоей наживки вся мелочь со страху разбежалась.

— Митя, а ты не будешь мне мешать ловить его? Все равно ведь рыбу пополам. А второго, которого увидим, будешь ловить ты. Под вечер от них отбою не будет. Значит: первый ерш мой, а второй твой?

Митька согласился.

Санька опустил крючок с наживкой прямо в бурую траву, к ершу, а мелюзга старалась оттащить крючок оттуда на безопасное место, трусливо дергая зубами за нитку издалека.

Санька, наблюдая за ершом, не дышал. А Митька, как на грех, надоедал ему своими вопросами:

— А здоровый?.. Сколько фунтов?.. Фунта два будет?.. Рубля три стоит?.. Та женщина возьмет... Она у мальчишек берет...

В темной чаще травы, пробираясь к наживке, хлыбстнула ерша хвостом какая-то рыбешка. Ерш ринулся за ней, чавкнул широкой пастью, но промахнулся и, выбросившись из травы, оказался опять на светлом песке. Рыбешки, все до одной, поджав хвосты, снова врассыпную стрельнули прочь.

— Тю! — разочарованно произнес Митька, увидев ерша. — Маленький. С палец.

— Это он в воде таким показывается, — послышалось басовитое объяснение Саньки. — А вытащи его на сухое, двумя руками не обхватишь.

Ерш, пятясь задом, затискал половину своего туловища под первый подходящий камень и, чтобы скрыть всего себя, сильно замутил вокруг воду. На минуту он совершенно исчез в облаках поднятой со дна мути. Светлая муть оседала на его темную голову, спину, хвост и сравнивала его по цвету с желтым песчаным дном. Такая маскировка помогала ершу ловить рыбешку.

— Мить, — взволнованно прошептал Санька, — только ты смотри не рассказывай в классе ребятам, где я его сейчас поймаю! А то все сюда прибегут и пораспугают нашу рыбу. В море ловить надо уметь.

— Это я сам понимаю, — охотно поддакнул Митька.

А сам про себя уже решил как-нибудь вскоре прийти сюда одному, без Саньки, и повыловить из-под этих камней всех ершей. Тут, наверно, их гнездо.

Санька в этот момент тоже думал о том же. Вот он,

тайком от Митьки (он только мешает), как-нибудь явится сюда один и не спеша, спокойно повыловит отсюда всю рыбу.

— Мясо у морского ерша вкуснее, чем у цыпленка, — размышлял вслух Митька.

— А суп из него жирнее, чем из барашка: сало на губах застывает! — восторженно откликнулся со своего камня Санька.

Митька, оставив на время свою удочку, ревниво следил за Санькиным ершом, все еще надеясь, что тот уйдет от Саньки и тогда будет пойман им, Митькой. Свесив голову вниз, он пристально смотрел в одну и ту же точку — на Санькиного ерша. Глазам его сделалось больно, они заслезились, в них стали двоиться предметы. И вскоре, рядом с прежним ершом, Митька увидел другого, как две капли воды похожего на первого. Сдерживая дыхание, не смея шевельнуться, он осторожно подвел свои крючья к этому новому ершу.

— Что ты делаешь? — взвыл Санька. — Ты же обещал не трогать моего ерша!

Митька счастливо улыбался.

— Я заметил еще одного, — ответил он примирительно.

— Где?

— Рядом с твоим. То прячется куда-то, то вылезит. Думаю, я не вижу. — И Митька продолжал подводить удочку к ершу.

— Куда же ты опять прешь на моего ерша! Сдурел, что ли?

— Я твоего не трогаю. Я к своему веду, — невозмутимо отвечал Митька.

— Это же мой!

— Нет, мой. Твой — другой, рядом, правее. Теперь левее... Теперь правее... Их два. Не видишь разве!

— Их один! — все более распалялся Санька.

— Их два, — спокойно твердил Митька. — Я хорошо вижу, что два. Не слепой.

— Один!

— Два!

— Вынимай сейчас же из воды свою удочку, а то шпагат перерву!

Митька как замороженный смотрел в одну точку, на пару двойников, и никаких угроз Саньки не желал слышать.

Санька съехал на животе со своего камня в воду и, закусив зубами подол рубахи, направился прямо по глубине к острову Митьки. Выхватив из рук товарища «шпагат», он вместе с наживленными крючками выбросил его на берег.

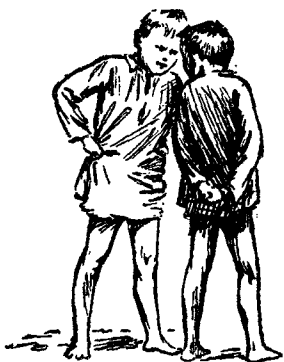
Митька только побледнел, но ничего не сказал. Съехав, в свою очередь, в воду, где ему было по самую шею, он торопливо зашагал к берегу, выпрыгнул на песок, схватил в охапку Санькино белье и побежал с ним к воде.

— А я за это твою одежду в море брошу! — пригрозил он Саньке.

— По морде схватишь! — пообещал тот.

— Руки коротки!

Санька снова сполз со своего камня и, рассекая руками и ногами глубокую воду, живо оказался возле Митьки. Тот моментально бросил на песок Санькины вещи, и оба они, бледные и дрожащие от гнева, сдвинулись вплотную левыми плечами.

— Смотри, а то сейчас припаяю! — говорил Санька, касаясь Митькиной щеки кончиком своего носа.

— Попробуй! — отвечал Митька, щекоча своими ресницами Санькин висок.

— А что ж ты думаешь, побоясь?

— Попробуй!

— Так и приварю!

— Привари!

— Сейчас дам по сопатке!

— Дай!

— И дам!

— Дай. Чего же ты не даешь?

— А что ж ты думаешь, не дам?

— Дай!

— И дам!

— Дай. На, дай! На, дай!

— Дам, дам!

— Дай, дай!

— Чего же ты не бьешь?

— А ты чего не бьешь?

— Я вдарю, так ты через все море перелетишь.

— И я вдарю, так ты тоже полетишь...

В полной боевой готовности они стояли глаза к глазам, ресницы к ресницам, и, не мигая, глядели друг на друга в упор. Оттого, что они глядели долго, лица их стали казаться им необычайно большими, великанскими, незнакомыми, и каждый из них боялся шевельнуться из опасения, чтобы тот великан не принял это

за попытку его ударить. Они жарко дышали друг другу в лицо, обоим было душно, хотелось свежего воздуха, но отвернуться было рискованно. Простояв так до полного оупения, они медленно-медленно разомкнулись, неслышно птясь в противоположные стороны и продолжая смотреть один на другого пристально, дико, незнакомо.

Ерша в этот день они больше не видали.

5

Вначале, когда ветер пробовал дуть то в одном направлении, то в другом, море и вблизи и вдали легонько задергалось, заплескалось каждой своей точкой, словно на всей его поверхности до самого горизонта вдруг засверкали в солнечных лучах миллионы миллионов рыбьих чешуек. Потом, когда ветер выровнялся и начал дуть только в одну сторону, по всей глади воды рассыпанным строем побежали маленькие белые волны, словно быстро-быстро поплыли, устремленные в одну сторону, приподняв из воды свои белесые головы, большие рыбины. Казалось, перед глазами ребят открылось бесконечное стройное шествие рыб, торопливо уплывающих в неведь какую даль, в чужие, незнакомые страны.

Вскоре море заволновалось и у самого берега зашелестело на песке, забулькало среди камней, зашевелилось у подножия скал.

И сразу от всего безграничного водного простора резко дохнуло в берег крепкими запахами: освежающей соленой влагой, потревоженными зыбью йодистыми водорослями, разлагающейся рыбой и рачками.

Вода у берега с песчаным дном, минуту назад прозрачная, нежно-зеленая, теперь замутилась и стала непроницаемой, голубовато-серой, цвета старой пыли. И уж нигде-нигде не было видно дна моря, и всюду казалось оно теперь одинаково глубоким, одинаково таинственным, одинаково грозным...

Мальчики с удочками в изъеденных солью руках по-прежнему сидели на своих островках. Но теперь вокруг островков была уже не тихая, зеркальная гладь, а плескались и хлюпали со всех сторон гребешки волн.

Волны сперва только как бы дразнили рыболовов: еле коснувшись скалы, они тотчас же скатывались обратно в море. Потом стали усиливаться, поднимались выше и угрожали смыть мальчиков с камней. Теперь им приходилось все время быть начеку и думать не только о рыбе, но и о собственной безопасности.

Ничего не ловилось. К тому же садилось солнце, напоминая о том, что дню скоро конец...

— Это хорошо, что вода замутилась, — говорил Санька, — по крайней мере, рыба будет смелее браться.

Митька молчал.

— Слава богу, дело идет к вечеру, — минут десять спустя снова успокаивал себя и товарища Санька. — За день она проголодалась, пробегалась и скоро начнет браться как бешеная.

Митька продолжал молчать.

— Утренний клев, можно считать, пропустили, зато вечерний не пропустим, не-ет, — ухмылялся Санька, когда прошло еще минут десять.

Митька не отзывался. Ему стало прохладно, по-

вечернему грустно, захотелось домой. И почему-то вдруг стало так жаль добрую, заботливую мать и невидящих ничего, кроме бедности, двух маленьких, слабых сестренок...

— Наверно, крупная зацепила, — прервал Митькино раздумье Санька. — Что-то здоровое трепыхается: наверно, какая-то попалась. И не одна. Две. На обоих крючках. Таких пару вытащить, и они нам весь день оправдают.

Но на Митьку и это не действовало.

Откуда-то издалека к берегу начало прибывать волнами разную дрянь: бутылочные пробки, поломанные деревянные ложки, пропитанный водой прыщавый огурец, кисть дикого мелкого незрелого винограда...

Волны уже пенились и перекатывались через камни, на которых сидели рыболовы. И им приходилось все больше сжиматься.

— Буря, — заметил невесело Митька, отворачивая сердитое лицо от Саньки.

— Это ничего, что буря, — сказал Санька и вдруг неожиданно вскочил на ноги и отважно скомандовал себе и товарищу: — Раздевайся догола! Не дрейфь! Не будь бабой! Не поддавайся волне!

Он стащил с себя рубаху, чуть не разорвав ее, и швырнул на берег. Митька, зябко потоптавшись на месте и сутулясь, как старик, вяло проделал то же самое. И через минуту оба они, голые, обливаемые стынущей водой, сидели по-прежнему с удочками в руках на мокрых, скользких камнях и дрожали от холода. С них текло, как с камней, на которых они сидели.

Щелкая челюстями от стужи, Санька шамкал, как беззубый старик:

— Это хорошо, что зыбь. Я рад... Теперь волна всю рыбу погонит из глубины к берегу, прямо на нас... Мить, а ты радый?

Митька ничего не отвечал. Хмурый и недовольный, он смотрел в пространство.

Он хотел возразить, что в зыбь вся рыба уходит в глубину, в океан, но холод свел его челюсти, и он только поёкал и потряс головой.

— Вот доест эту наживку, тогда пошабашим и айда домой, — уже несколько раз обещал Санька, а сам украдкой снова и снова наживлял.

Солнце село; море сделалось сначала красновато-фиолетовым; а затем черным; быстро стыли песок и камни; под земляным откосом, под обломками скал, кого-то подстерегая, притаились густые тени. Со степи к морю неслышными шагами кралась безлунная, темная ночь. Мальчикам вдруг стало как-то не по себе. В сердце запала тоска, и они с грустью почувствовали, что пришла осень, что лету конец, что они уже ходят в училище и будут ходить долго, изо дня в день — целую длинную зиму. Подкатывало к горлу. Хотелось плакать...

Ни о чем не сговариваясь, рыболовы молча сползли со своих камней, вышли на берег, поспешно натянули на мокрые тела одежду и, с жадностью доев хлебные крошки и обглодав ими же брошенные дынные корки, начали считать рыбу. Рыбы оказалось так мало, что решили отпустить ее на волю, но она уже вся уснула. Только бычок был еще жив, но стал совершенно неузнаваем. Два часа назад пышный, с золотыми кудря-

ми и львиной головой, теперь он сделался тонким, черным, осклизлым и лысым. Когда его выпустили в воду, он пошел как-то боком и все косился одним бледным глазом назад, словно уже не веря в дарованную свободу, и в конце концов возвратился обратно и выбросился на берег. Они его снова пустили в воду, но он опять, глянув искоса на них одним бельмом, выбросился на берег — и это повторилось еще раз.

Мальчикам сделалось страшно; дрожь заходила по их телам.

Они побросали рыбу, кое-как похватали свои пожитки, вскарабкались на гору и бросились в степь. Они бежали без оглядки, с заостренными лицами, со скошенными от ужаса глазами, крепко вцепившись пальцами друг другу в рубахи и тараща глаза в быстро густеющие потемки.

Когда стало сперва у одного, потом и у другого колоть в боку, они пошли шагом; шли и напряженно прислушивались к неуловимым ночным шорохам. Они боялись, как бы об их бегстве не услышало то, что дышало в кустах и овражках, старались ступать осторожно и после каждой треснувшей под ногами ветки или скользнувшего камешка вздрагивали, замирали, озирались по сторонам.

Никто из них не хотел идти позади — было страшно; как никто не хотел идти и впереди — было тоже страшно; и они двигались рядом, толкаясь плечами, как пара лошадей в упряжи.

Мрачные мысли шли ребятам на ум. Скверно поступили они, что засиделись так долго, и вообще не следовало бы сегодня ходить: довольно наудились за лето. Пусть это будет в последний раз! Больше

в этом году они никогда не пойдут! Завтра же упаку-
ют свои удочки до будущего лета! А дома, вероятно,
уже поняли всё и теперь с нетерпением ожидают их
для расправы.

Справа, из-под их ног, вывернулось что-то круглое,
белое и укатилось в потемки. Может быть, заяц?
Может быть, тот безумный бычок? Мальчики в
ужасе шарахнулись друг на друга, звонко стукнулись
лбами, на минутку остановились, потом опять побе-
жали.

Крепко спаянные чувством страха, они представля-
ли собой одно тело, бегущее на четырех ногах. Если
им приходилось падать в яму, они падали оба и там,
на дне ямы, прежде всего судорожно искали в потем-
ках друг друга.

Когда спускались в чернеющую внизу, как про-
пасть, огородную балку, оттуда потянуло прохладой,
влагой и резким запахом укропа.

За огородами дорога шла балкой, слева от которой
по соленому запаху угадывалась гнилая бухта, а спра-
ва, на протяжении всего откоса, зияли в несколько
ярусов черные дыры — входы в древние пещеры.
В них тысячи лет назад, в каменный век, жили мирные
люди, а сейчас, может быть, там сидят вокруг своего
атамана обросшие волосами разбойники и, тихо пере-
смеиваясь, точат большие кинжалы. Чтобы не дать
им о себе знать, мальчики двигались мимо пещер
без малейшего шороха, на цыпочках, закусив
губы.

А завтра, если останутся живы, с какой гордостью
расскажут они обо всем этом дома и в школе!

Дальше на пути рыболовов лежало кладбище.

Санька и Митька обходили его издалека, спеша, спотыкаясь и наступая друг другу на ноги.

Когда, миновав балку, они наконец поднялись на знакомую гору, их охватило, как из печки, сухостью и теплом. И сразу перед ними засветился кучей лучистых огней большой веселый город. На Приморском бульваре играла флотская духовая музыка. Они — дома! Чувство радости, легкости вдруг охватило обоих. Усталости как не бывало. После долгого молчания они заговорили громко, шумно, стали смеяться и шалить.

— Га! — неожиданно гаркнул Санька в Митькино ухо, желая его испугать.

Тот находился еще под впечатлением недавно пережитого и в страхе присел.

— Апчхи! — так же дурашливо чихнул Митька в самое ухо Саньки.

Санька выждал удобный момент, подставил Митьке ножку, и тот шлепнулся лицом в мягкую пыль. Митька ответил ему тем же, толкнув его в колючий куст.

В городе у каждого уличного фонаря Митька приглядывался к безбровому лицу Саньки с опаленными волосами на голове, хватался за живот и хохотал.

— Вот в школе посмеемся над тобой! — обещал он. — Ты теперь вроде как ксендз!

Расставаясь с товарищем и крепко пожимая ему руку, Санька уверенно сказал:

— Если б не зыбь, мы б ее много поймали.

— Зыбь помешала! — бодро подтвердил Митька.

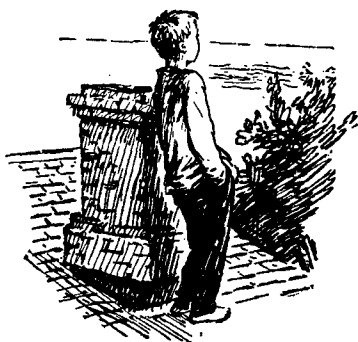
И, счастливые близостью к родному дому, они разошлись.

6

На следующее утро, едва на небосклоне намечился рассвет, в дальнем конце окраинной улицы, на крыше своего кривобокого домика, прислонившись плечом к кирпичной дымовой трубе, стоял заспанный, полуодетый, вихрастый Санька. Он вздрагивал от предрассветной прохлады, стонал от зевоты, а сам все смотрел и смотрел на запад, туда, где, он знал, с минуты на минуту из утреннего тумана должна проступить сразу по всей линии горизонта резко-яркая синь величественного моря.

Мир был прекрасен — он так и манил к себе. Погодка сегодня обещала быть редкостной, такой, каких

и в разгар лета было немного. В росистом воздухе чувствовались крепкие степные запахи и та не передаваемая словами, волнующая свежесть, которая свойственна только раннему, раннему утру. Было не холодно, не жарко, а как раз в меру... И главное — дул береговой ветер!

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для среднего возраста

Никандров Николай Никандрович

БЕРЕГОВОЙ ВЕТЕР

Ответственный редактор *К. А. Черненко*,
Художественный редактор *О. В. Демидова*,
Технический редактор *В. А. Голубева*.
Корректоры

К. П. Тягельская и *Г. П. Якушина*.

Сдано в набор 28/VIII 1956 г. Подписано
к печати 17/X 1956 г. Формат 60 × 92¹/₁₆ —
3 печ. л. (1,91 уч.-изд. л.). Тираж
300 000 экз. А09992. Заказ № 1149.

Цена 65 коп.

Детгиз. Москва. М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва,
Сушевский вал, 49.

Цена 65 коп.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**

В библиотечке
„КНИГА ЗА КНИГОЙ“

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
В 1956 ГОДУ ИЗДАЮТСЯ:

— * —

- АКСАКОВ С. — АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК
ПУШКИН А. — СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ
ОДОЕВСКИЙ В. — ГОРОДОК В ТАБАКЕРКЕ
НЕКРАСОВ Н. — ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН
ТОЛСТОЙ Л. — МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ, СКАЗКИ, БАСНИ
МАМИН-СИБИРЯК Д. — БОГАЧ И ЕРЁМКА
ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ Н. — ТЁМА И ЖУЧКА
ЛИСИЧКА СО СКАЛОЧКОЙ. Русские народные сказки
СИНДБАД МОРЕХОД. Из сказок „Тысяча и одна ночь“
ПЯТЕРО ПЕТЕРОВ. Сказки разных народов
АРАМИЛЕВ И. — МИШУТКА. Рассказы об охоте
АРКАНГЕЛЬСКИЙ В. — ДЫМКА. Рассказы о природе
БИРЗНИЕК-УПИТ Э. — Рассказы. Перевод с латышского
БОРОВИКОВ Г. — КАК Я ОХОТИЛСЯ НА ЗАЙЦЕВ. Рассказы
ГАЙДАР А. — ЧУК И ГЕК
ЗАМОЙСКИЙ П. — ДВЕ ПРАВДЫ. Рассказы о деревне
КОРШУНОВ М. — ПЕС МАЛЫШ. Рассказы
МУХАММАДИ К. — О ТОМ, КАК АХМАДЖАН БОЯЛСЯ
УКОЛОВ. Стихи. Перевод с узбекского
НАГИБИН Ю. — МАЛЬЧИКИ. Рассказы о детях
СОКОЛОВ-МИКИТОВ И. — РАССКАЗЫ ОХОТНИКА
ТРУБЛАНИИ М. — ВОЛКИ ИДУТ ЗА ОЛЕНЯМИ. Перевод
с украинского
ТУМАНЯН О. — ГОВОРЯЩАЯ РЫБКА. Сказки. Перевод с
армянского
ФРАЕРМАН Р. — НЕПОСЕДА. Рассказы о детях

Эти книги можно приобрести в магазинах Книготорга.